

Н.А. ШМАТКО

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ РОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Социология все еще является локальной наукой, неразрывно связанной с той страной, где проводятся социологические исследования [20]. Между тем процессы глобализации в Европе и мире в целом оказывают значительное влияние на социологию [41]. Сохраняет ли российский социологический дискурс существенные национальные особенности? Приблизиться к ответу на этот вопрос — задача предлагаемой вниманию читателя работы. Она основана на материалах международного проекта «Словари социологии в условиях объединения Европы: конструирование, трансформация, глобализация» (рук. Н.А. Шматко), в котором участвовали социологи из России, Германии, Италии и Франции (2002–2003 г.). Цель исследования заключалась в изучении формирования единой концептуальной сферы европейского социологического дискурса, а также проблемы соотношения национальных и интернациональных социологических концептов.

Концепт, понятие, концептосфера

Концепт — явление того же порядка, что и понятие. В русском языке термин «понятие» исторически выступает калькой латинского «*conceptus*». Вместе с тем в научном дискурсе эти термины не являются синонимами и довольно четко различаются. В латинском *conceptus* заложена сема «зародыш», а в его этимоне — сема «резервуар», «хранилище», откуда выводились переносные значения «соединение, сумма, совокупность, система», «формулировка (редакция)

Шматко Наталья Анатольевна — кандидат философских наук, зав. сектором структурно-генетического анализа Института социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5. Телефон: (499) 129-05-23. Электронная почта: n-shmatko@mail.ru

юридических актов» [3, с. 35.]. В свою очередь, *понятие* происходит от древнерусского глагола *пояти* — «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены», и в этом оно похоже на *conceptus*.

Термин *conceptus* для обозначения того, что соединяет вещь и речь, впервые встречается в «Диалектике» П. Абеляра [2]. «Концептуализм» схоластической философии признавал, что общее существует в вещах (*in rebus*) и проявляется в речи. Это общее и обозначалось термином «концепт». «Концептом» обычно называют идеальную сущность, формирующуюся как глобальная единица дискурса, которая представляет квант структурированного знания [8]. В качестве дискурсивного акта, «схватывающего» и высказывающего смысл объекта, «концепт» оказывается шире «понятия» [6]. Такое употребление *conceptus* было, по всей видимости, подготовлено метафорой «понятие как источник (“зародыш”) знания о предмете» [3, с. 36]. Понятие выделяет из некоей предметной области и обобщает в логический класс объекты, указывая на их общие и отличительные признаки. Концепт, напротив, утверждает наличие некоторых отношений. Если понятие есть форма рассудка, то концепт, собирающий (*concipere*) воедино мышление (*intellectus*) и условия его действительности, осуществимости, включает понятие как собственный момент. В Средние века «концепт» используется И. Дунсом Скотом, а также последователями и противниками «концептуализма» [15, 23, 39].

Позднее, у Р. Декарта, «“ясные и отчетливые концепты” (*claro & distincto conceptu*)» в значении “идеи” встречаются лишь один раз в качестве метафоры (в тексте “*De rerum materialium existentia*”), зато в “Этике” Б. Спинозы «*conceptus* более част и используется в контекстах, близких к современным» [3, с. 36]. Более или менее регулярно термин «концепт» во французской научной литературе начинает употребляться во времена Э. Дюркгейма [17] и А. Пуанкаре [33]. В авторитетном французском философском словаре начала XX века термин «*concept*» интерпретируется как извод немецкого *der Begriff* («понятие») в традиции, восходящей к И. Канту [25]. Однако лишь в трудах М. Фуко и его современников *concept* начинает широко применяться для обозначения того, что организуется в дискурсивной деятельности [18].

В классическом немецком языке главное значение слова «*Konzept*» — «план, конспект, набросок». «Значение же “концепт, понятие” у немецкой лексемы *Konzept* — достояние XX века и отмечается далеко не во всех стандартных словарях» [3, с. 39]. В немецкоязычной литературе «концепт» предстает не в качестве законченного понятия, а как наглядная и предварительная его модель [27, 40].

Словари английского языка отмечают термин «*concept*» со значением «понятие, идея, общее представление, концепция». В современном смысле «концепт» впервые употребляется, вероятно, в начале

20-х годов прошлого века Э. Сепиром [3, с. 41]. Он предстает как порождающая структура опыта [27], и это значение закрепляется в философской литературе [28, 35]. Термин «концепт» нашел дальнейшее развитие в когнитивных исследованиях [31, 37, 43] и теории искусственного интеллекта [11, 16, 38].

В русскоязычной гуманитарной литературе «концепт» напоминает кантово «понятие *a priori*». «Употребляют этот термин, когда хотят подчеркнуть *самость* некоторого понятия, его априорность, чтобы сказать: обсуждая данное понятие, давайте попытаемся не просто договориться об употреблении терминов, а реконструируем ту сущность ментального мира, которая за этим понятием лежит» [3, с. 44]. Итак, если «понятие» есть результат конвенции, более или менее целенаправленно конструируемый носителями языка, то «концепт» предпослан языку и реконструируется из экстралингвистической действительности.

Можно сказать, что концепт представляет собой содержание понятия, абстрагированное от его языковой формы [32]. Если в традиционной логике термины «концепт», «значение», «смысл» выступают как синонимы, то в современной логике по традиции, восходящей к Г. Фреге и А. Чёрчу, «значение» идентифицируется с денотатом, а «концепт» — со смыслом или сигнификатом [9, 42]. Концепт — «смысловая единица», «квант знания», который формируется с помощью разных способов категоризации и может быть вербализован в различной форме [22]. Р. Карнап помещал концепт между языковыми выражениями и их денотатами [13, 14]. Иными словами, данный термин выражает семантический момент понятия, его содержание. Концепт используется в научном дискурсе, когда абстрагируются от предметного содержания и исследуют лишь совокупность общих и существенных признаков понятия, их структуру. Более специфическое понимание концептов как «универсальных семантических примитивов» закрепилось в лингвистике [1].

В отечественной социологии «концепт» идентифицируется с метафорой, которую социолог разрабатывает для описания предмета своего исследования; при этом подчеркивается, что такая метафора включает в себя отсылки к другим предметам [5]. Несомненно, концепт как проекция социального мира в социологический дискурс не может существовать обособленно от других концептов. Также не вызывает сомнений, что социологический концепт реализуется в дискурсе в качестве семантической системы. Более того, будучи смысловой структурой, он относительно независим от значений отдельных терминов, однако квалификация социологического концепта как метафоры представляется нам чрезмерным упрощением.

Исходным положением нашего анализа служит утверждение, что дискурс есть форма опыта социальных наук, где сам опыт конституирует-

ся как некая совокупность концептов. Иными словами, дискурс представляет собой способы понимания социальной действительности социологами и общения социологов между собой [24]. Отдельные концепты служат инструментами, которые используют социологи, чтобы ответить на поставленные в исследовании вопросы. «Субъекты» и «предикаты», используемые в социологии для описания социальной действительности, представляют собой характеристики научно-исследовательских практик, научных диспозиций (*habits of action*). С этой точки зрения, «концептосфера» [7] социологии есть прежде всего средство коммуникации исследователя с социальной действительностью, а сами концепты фиксируют не социальные явления как таковые, но практические схемы, по которым конструируются предметы исследования [30]. Несомненно, это конструирование происходит не в сфере «чистого разума», оно определяется как закономерностями явлений социальной действительности, так и социальными условиями производства социологического дискурса. Однако можно утверждать, что в общем случае порядок и отношения социологических концептов не те же, что порядок и отношения социальных феноменов.

Социологический анализ концептосферы требует, чтобы ее концепты рассматривались не как отдельные «картинки» или «слепки» социальной действительности, а понимались и интерпретировались как инварианты явлений, как точки пересечения связей, соединяющих социологию с социальной действительностью. Иными словами, концепты социальных наук существуют не как самостоятельные лингвистические сущности, но в отношениях с экстра- или супралингвистическими сущностями. Всякий концепт есть, таким образом, «узел» сети отношений, а социологическая теория — концептуальная конструкция социального мира.

Представить концепт, по-видимому, удобнее всего при помощи «метафизики» отношений. Это означает постулирование отношений, пересечением которых обуславливается локализация концепта в пространстве смыслов. Зафиксировав концепт как таковой, мы можем указывать на ту или иную его реализацию в социологическом дискурсе как на определенную сущность, не имея возможности, однако, окончательно определить сам концепт. Далее мы можем перейти к конкретным концептам, открывая задающую их топологию отношений. Эти отношения не являются сущностями или чем-то непосредственно наблюдаемым: они могут быть лишь реконструированы в ходе социологического исследования на основе совокупности наблюдений. В случае концепта эти отношения выполняют служебную роль каркаса, сетки, в которой размещены концепты. Концепт произведен от отношений. О концепте мы можем говорить как о некой целостности, которая обусловлена этими отношениями, но, тем не менее, концепт

не состоит из множества отношений. Он как бы оформляется отношениями, они сообщают ему существование. Концепт — это сингулярность, тогда как порождающие его отношения историчны, intersубъективны и имеют общий характер.

Концептосфера социологии социально-политически обусловлена. Обоснование ее концептов не есть вопрос об особом отношении «идей» к «социальным объектам», но дело социологической практики. Поскольку социальное познание возможно лишь с позиции ангажированного агента, интегрированного в определенные структуры, постольку оно ситуативно, социально обусловлено и, в конечном счете, носит коллективный характер. При этом «социологическое сообщество» можно рассматривать в том числе и в качестве «концептуального сообщества», пользующегося и одновременно создающего концептосферу, с помощью которой описывается социальная действительность. Концептосфера, таким образом, становится системой коммуникации социологов, выражающей социологический дискурс и неразрывно связанные с ним практики. Она включает в себя концепты, без которых социологи не способны формулировать суждения о социальной действительности. Построение и анализ социологической концептосферы ничуть не менее значимы, чем поиск и нахождение ответов на вопросы, сформулированные с помощью той или иной социологической концептосферы.

Российская и европейские социологические концептосферы

Мы рассматриваем социологическую концептосферу как относительно стабильное целостное метаобразование, исторически преходящее и неустойчивое, находящееся в постоянном процессе самосозидания и постоянно же пересматриваемое. Концептосфера объективируется в дискурсе. Социологический подход к анализу концептосферы требует анализа процесса ее конструирования в практике исследователей и рассмотрения функционирования концептов собственно в исследовательском контексте, то есть речь не идет об анализе существующих и признанных официальными инстанциями изданий типа «Социологического словаря» или «Социологической энциклопедии». Чтобы сконструировать социологическую концептосферу необходимо прежде всего произвести операцию «деконструкции» социологических текстов. Такая операция отличается от привычного контент-анализа тем, что не фиксирует заранее список искомых категорий, связанных обычно с определенным кругом проблем. Деконструкция должна получить этот список как итог исследования, включающего — помимо вычленения концептов (по всем затронутым в этих текстах проблемам), концептуальных пар и оппозиций — изучение контекста их использования, а также теоретических отсылок (как эксплицитных, так и имплицитных).

В международном исследовании, материалы которого легли в основу данной статьи, при деконструкции социологических текстов мы использовали «решетку», включающую вычленение, во-первых, исследовательской проблематики (в каждой статье от двух до пяти проблем, поставленных самим автором); во-вторых, концептов, описывающих и объясняющих данные проблемы; в-третьих, теоретических ссылок и ссылок инструментального характера и, наконец, обращение к национальным или иностранным источникам, цитирование на языке оригинала или использование переводов.

Концепты выделялись в зависимости от функции раскрытия и объяснения заявленной в работе проблематики. Нас интересовали, таким образом, не все концепты, но лишь выполняющие объяснительную функцию и к тому же встречавшиеся в статье неоднократно. В предельном случае (редко наблюдаемом) встречающемся на практике это были концепты, которым автор давал дефиниции или которые входили в определение предмета исследования. Совокупность встречающихся в статье концептов составляет «концептосферу» автора, которая, не обладая эпистемологической ценностью сама по себе, служила в нашем исследовании единицей наблюдения.

Германию в нашем исследовании представляли статьи, опубликованные в 1997 и 2001 гг. в «*Berliner Journal für Soziologie*», Францию — работы из «*Revue française de sociologie*» за те же годы. С российской стороны для анализа были выбраны статьи, напечатанные в «Социологическом журнале» в 1997 и 2001 гг.

Всего в выборку попали 42 статьи, представляющие результаты теоретических или фундаментальных эмпирических исследований, опубликованные главным образом в разделе «Теория и методология» и в тематических подборках каждого номера.

Следует сразу же подчеркнуть: западная социологическая мысль остается главным теоретическим ориентиром для российских авторов проанализированных статей. Как отмечает А.Г. Здравомыслов, российские социологи пытаются переопределить доминирующие в мировой социологии тенденции, «чтобы они приобретали значимость с точки зрения анализа российской социальной реальности в ее политическом, экономическом и культурном измерениях» [4]. Российские авторы редко берутся в расчет, если речь идет о теоретических или методологических построениях. Ссылки на них почти не встречаются за исключением двух-трех имен. Другие ссылки на российские источники можно назвать инструментальными: они приводятся в дополнение (подтверждение или опровержение) полученных автором результатов эмпирического исследования.

Анализ российских статей показал, что авторы не следуют в своих рассуждениях какой-либо одной традиции или школе: чаще всего

в ссылках приводятся работы западных социологов, принадлежащих разным социологическим течениям, порой противоречащим друг другу. Такую тенденцию можно было бы назвать стремлением к «полиреферентности» или «мультипарадигмальности» прагматического подхода российских социологов постсоветского периода, сославшись на неоформленное состояние или не до конца сформировавшуюся структуру социологии в условиях перехода от марксизма как «единственно правильного учения» к теоретическому плюрализму.

Если говорить о российском, французском и немецком социологических дискурсах в целом, то первая тенденция концептосферы, на которой следует остановиться специально, связана с ролью социологической классики. История становления социологии в качестве науки, запечатленная в социологической классике, выступает одним из необходимых условий европейского социологического дискурса. Выделенное положение социологической классики проявляется в том, что большинство авторов считают нужным сослаться или хотя бы упомянуть М. Вебера, Ф. Тённиса, Э. Дюркгейма. Эти ссылки обязаны своим происхождением европейским стандартам социологического образования и фиксируют единство дисциплины. Именно концепты социологической классики придают социологическому дискурсу видимость цельности, существующей, несмотря на значительное разнообразие методологических подходов, тем исследований, социальных контекстов. В то же время приходится констатировать, что само по себе концептуальное наследие социологической классики не исполняет роль ориентира в современной социальной действительности. Оно лишь маркирует позицию исследователя в социологическом пространстве, свидетельствует о его профессиональной компетенции.

Если первый момент, конституирующий социологический дискурс, обусловлен прошлым (образовательным и научным) опытом социологов, то второй тесно связан с их практическим предвосхищением будущего дисциплины. Антиципация возможного будущего проявляется в следовании интеллектуальной моде, в заимствовании концептов из «постмодернистских исследований» (У. Эко), интеллектуальной публицистики (У. Бек) и футурологических построений (Э. Кастельс). Поскольку этот не оформленный институционально (данные авторы и их работы не входят в социологические университетские программы), еще не интегрированный в социологическое производство интеллектуальный дискурс в разных странах представляется по-разному, то, совпадая в общем и целом, в частности эта тенденция воплощается в различных формах.

Вкратце очертив влияние на актуальный социологический дискурс прошлого дисциплины и предвосхищений ее возможного будущего, отметим, наконец, эффекты, напрямую связанные с «живым настоящим». Первый из них можно было бы назвать прагматико-

семантической поливалентностью (неоднозначностью) социологических концептов. Дело в том, что одни и те же по видимости концепты в разных национальных социологиях приобретают разный смысл и значение. Таким образом проявляется преломляющее действие национального социального мира на социологический концепт: в силу его неразрывной связи с конкретным предметным содержанием социологический концепт всякий раз переопределяется в новом социальном контексте. В отличие от математических, социологические концепты не отделены от социальной предметности радикальным эпистемологическим разрывом. Будучи тысячами нитей связаны с предпосылками обыденного опыта, принимающего разный вид для различных национальных полей и социальных позиций, социологические концепты всякий раз демонстрируют примат субстанционального содержания над развитым формализмом. Нам хотелось бы констатировать эффект дивергенции одних и тех же социологических концептов в разных национальных социологиях.

С другой стороны, наблюдается конвергенция внутри разных групп социологических концептов в пределах национальной концептосферы. В каждом национальном социологическом дискурсе можно вычленивать группы концептов, обладающих сходным смыслом. Целые классы концептов выступают по сути вариациями одного обобщенного смысла. Этот эффект во многом препятствует генерализации полученных нами результатов.

Национальный концепт определяется нами как лакуна в концептосфере иностранных социологических дискурсов. Иными словами, все национальные концепты специфичны именно для данного социологического дискурса и в исследуемый период не входят в иностранные дискурсы.

Концептосфера российского социологического дискурса несущественно отличается от европейской. *Главная национальная особенность российской концептосферы — ее «нормальность», неотличимость от западных.* Наблюдается не столько «догоняющая модернизация», сколько интернационализация социологического дискурса. Изученные нами концептосферы в целом согласованы, хотя и не являются «транснациональными» в полном смысле этого слова. Сравнительный анализ показывает существование устойчивого ядра, состоящего из 60—70 базовых, наиболее общих концептов, которые постоянно присутствуют во всех изученных социологических дискурсах и служат их основой (см. Список 1). Среди них — «дифференциация», «социализация», «идентификация», «социальное действие», «интеракция», «адаптация», «иммиграция», «неравенство», «ценности», «ожидания» и т. п. Оказалось, что более 30% концептов российского социологического дискурса совпадают с концептами французского и немецкого дискурсов, причем немецкая и французская концептосферы также совпадают примерно на треть (см. табл.).

Таблица

Доли общих концептов в национальных социологических дискурсах, % от общего числа концептов

Сравниваемые страны	%
Россия — Франция	32,2
Россия — Германия	35,0
Франция — Германия	31,2

Список 1

Концепты, общие для российского, французского и немецкого социологических дискурсов

1	автономия	37	мультикультурализм
2	авторитаризм	38	нарратив
3	адаптация	39	неравенство социальное
4	антисемитизм	40	норма социальная
5	бедность	41	опыт
6	безработица	42	оскорбление
7	власть, влияние	43	партикуляризм
8	восприятие	44	патернализм
9	глобализация	45	переход, трансформации
10	государство	46	позитивизм
11	группа	47	порядок социальный
12	девиация	48	посткоммунизм
13	действие	49	представления социальные
14	демократия	50	принуждение
15	деструкция	51	протест
16	дискурс	52	равенство
17	дифференциация	53	рациональность
18	Европа	54	рынок
19	Запад / Восток	55	свобода
20	идентификация	56	сеть
21	индивидуализация	57	собственность
22	интеллектуальность	58	событие
23	интервенция политическая	59	сознание
24	интеграция	60	средний класс
25	интересы	61	статус социальный
26	интернационализация	62	стиль культурный
27	интерпретация	63	структура
28	классы	64	тоталитаризм
29	конкуренция	65	традиции
30	контекст	66	трансформация
31	контроль	67	уклад
32	конфликт	68	управление
33	культура	69	ценности
34	мобильность социальная	70	элита
35	модернизация	71	язык
36	мораль – этика		

Список 2

Национальные концепты российского социологического дискурса

1	авторитаризм	43	национализм
2	аккультурация	44	нация
3	архетип	45	незащищенность социальная
4	ассимиляция	46	олигархия
5	бессознательное коллективное	47	отбор естественный
6	биография	48	патримониализм
7	валентность	49	патриотизм
8	возможность социальная	50	плюрализм
9	генеалогия	51	повседневность
10	геополитика	52	поддержка государственная
11	господство	53	полезность
12	гражданское общество	54	постиндустриальное общество
13	гражданство государственное	55	правила
14	граница	56	прагматика
15	дезадаптация	57	предприниматели
16	деконструкция — реконструкция	58	протекционизм
17	депопуляция	59	протест социальный
18	дискриминация	60	релятивизм
19	дискурс	61	ресентимент
20	евразийство	62	реформа
21	инициатива гражданская	63	риск
22	искренность	64	русские
23	истина	65	самоорганизация
24	историчность	66	самосознание
25	история устная	67	сотрудничество
26	качество жизни	68	справедливость социальная
27	кодификация	69	стратегия
28	колледж невидимый	70	сценарий
29	коммунизм	71	технократизм
30	конвергенция	72	тирания
31	консерватизм	73	тревожность социальная
32	крах социальный	74	убеждение/услаждение
33	ксенофобия	75	утопия
34	лингвистическая относительность	76	участие гражданское
35	магия	77	феномен
36	мафия	78	хаос
37	менталитет	79	харизма
38	метафора	80	цитирование
39	миф	81	экономическая сфера
40	модерн/постмодерн	82	экспертиза
41	напряженность социальная	83	этнос
42	наркомания	84	Я

Российские социологи не изобрели каких-либо уникальных концептов, которые не использовались бы в мировой социологии (см. Список 2). По нашему мнению, единственным самобытным, уникальным российским является концепт «евразийство» (восходящий к работам П. Савицкого и Н. Трубецкого).

Конечно, концептосфера российского социологического дискурса развивается с учетом национальной специфики, но эта специфика ничуть не больше, чем у французского или немецкого дискурсов. Все национальные российские концепты могут быть разделены на три группы. Первая группа выражает радикальные социальные изменения 1990-х годов: «хаос», «крах социальный», «коммунизм», «гражданское общество», «реформа». Вторая группа национальных российских концептов непосредственно отражает состояние российской социальной действительности этого периода: «напряженность социальная», «незащищенность социальная», «поддержка государственная», «предприниматели», «тревожность социальная» и др. Существование третьей группы оригинальных концептов российского социологического дискурса обусловлено не столько особенностями предмета российской социологии, сколько ее собственной историей. Например, концепты «биография», «история устная», «деконструкция» и др. суть следы «догоняющей модернизации» отечественной социологии, осваивавшей в 1990-х годах научные направления, уже развитые на Западе. Далее, присутствие в российском социологическом дискурсе концептов «колледж невидимый», «цитирование» и др. связано с тем, что в «Социологическом журнале» были представлены статьи по социологии науки, тогда как *Berliner Journal fur Soziologie* и *Revue francaise de sociologie* ничего подобного не публиковали.

Кроме того, некоторые особенности российского социологического словаря определяются политически: среди табуированных концептов оказались связанные с левыми или социалистическими политическими движениями, с критикой социальной политики государства. Так, в отличие от французской концептосферы, в российской неразвита группа концептов, выражающих проблематику социальной защиты и левые политические представления, выступающие за сохранение социальных гарантий. К таким концептам относятся: «социальный договор», «коллективное действие», «социальная незащищенность», «помощь», «получатели пособий», «социальная исключенность», «дезаффиляция», «геттоизация», «маргинализация» и т. п. В то же самое время концептосферы западноевропейских социологических дискурсов, в отличие от российского, начали активно включать концепты, связанные с неолиберальной экономикой. Здесь примерами могут служить «прозрачность», «результативность», «эффективность», «конкуренция», «децентрализация», «гибкость», «капитализм менеджеров», «колонизация рынка труда», «глобальный Сити» и т. п.

Национальный контекст и национальный дискурс

Как показывают полученные результаты, говорить о какой-либо радикальной особенности российского социологического дискурса, его кардинальном отставании или «запаздывании» от западного дискурса нет оснований. Концептосфера российской социологии в статистическом плане отличается от французской не более чем немецкая концептосфера.

Социологический дискурс производится не на основе аксиом и логических выводов из них, а является результатом применения определенной системы правил, которая не только опирается на понятия и утверждения теории, но и содержит априорные по отношению к социологии исходные положения [10, 12, 19, 26, 29, 34]. Последние выступают, в том числе, как национальный контекст, совокупность исторических предпосылок — набор прецедентов, имеющих фактическое значение. Данный набор прецедентов можно назвать «национальным социальным миром». Требования логической полноты и замкнутости в социологическом дискурсе отсутствуют. Вместо них используются критерии актуальности и релевантности. Главной задачей концептов социологического дискурса является ответ на вопрос: на что похож данный предмет исследования. Для этого социологу необходимо сравнить его с уже исследованными предметными областями из национального социального мира. — Для того чтобы слова «похож» или «не похож» приобрели интерсубъективный формализуемый смысл, используется социологическая теория. В основе концептосферы социологического дискурса лежит положение: характеристики и эволюция конкретной предметной области будут похожи на характеристики и эволюцию ее прототипов/аналогов из национального социального мира. Таким образом, социологические концепты привязываются к конвенциональным элементам социологического знания, наделенным национальной спецификой.

Набор прецедентов, входящих в национальный социальный мир всегда ограничен и определяется специфическими национальными условиями, имеющими исторический генезис. В соответствии с этим национальные социологические концепты релевантны относительно своего социального мира, но могут оказаться неприменимыми к другим.

Явные конвенциональные элементы российского социологического дискурса, каковыми, несомненно, являются национальные концепты, должны быть поняты в качестве структурирующих форм социологического дискурса, поскольку эти формы конституируют как условия возможности социологического познания, так и его предмет. Национальные концепты, структурирующие социологический дискурс, объединены в сложную сеть условий, которая служит предпосылкой получения истинных социологических высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков: Пер. с англ. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с франц. С.Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
3. *Демьянков В.З.* «Понятие» и «концепт» в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
4. *Здравомыслов А.Г.* Проблема преемственности и прерывности в российской социологии // Вестник РГНФ. 2006. № 4. С. 99–102.
5. *Каныгин В.Г.* Преобразование метафорического концепта в количественный объект // Социологический журнал. 2002. № 1. С. 60–74.
6. *Неретина С.С.* Тропы и концепты. М.: ИФ РАН, 1999.
7. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. С. 64–68.
8. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999.
9. *Чёрч А.* Введение в математическую логику. Т. I. / Пер. с англ. В.С. Чернявского / Под ред. В.А. Успенского. М.: Иностранная литература, 1960.
10. *Хюбнер К.* Критика научного разума / Пер. с нем. И.Т. Касавина; Отв. ред. В.Н. Порус. М.: ИФ РАН, 1994.
11. *Bareiss R.* Exemplar-based knowledge acquisition: A unified approach to concept representation, classification, and learning. San Diego, Ca.: Academic, 1989.
12. *Braybrooke D.* Philosophy of social science. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1987.
13. *Carnap R.* Testability and meaning. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1950.
14. *Carnap R.* The methodological character of theoretical concepts // The foundations of science and the concepts of psychology and psychoanalysis / Ed. by H. Feigl, M. Scriven. Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Vol. 1. Minneapolis, Mn.: University of Minnesota Press, 1956.
15. *De Wulf M.* An introduction to scholastic philosophy / Tr. by P. Coffey. Eugene, Ore.: Wipf & Stock Publishers, 2003.
16. *Donald M.* The origins of the modern mind. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991.
17. *Durkheim E.* De la Division du travail social. Paris: P.U.F., 1978.
18. *Focault M.* L'Archeologie du savoir. Paris: Ed. Gallimard, 1969. P. 85.
19. *Gadamer H.-G.* Hermeneutik // Contemporary philosophy. A Survey / Ed. by R. Klibansky. Vol. 3. Metaphysics, phenomenology, language and structure. Firenze: La nuova Italia, 1969. P. 360–372.
20. *Geertz C.* Local knowledge: further essays in interpretative anthropology. New York, NY: Basic books, 1983.
21. *Keil F.* Concepts, kinds and cognitive development. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1989.

22. *Keil F.C.* Conceptual development and category structure // Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization / Ed. by U. Neisser. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1987. P. 175–200.
23. *Klima G.* Ontological alternatives vs alternative semantics in mediaeval philosophy // European Journal for Semiotic Studies. 1991. Vol. 3. No. 4. P. 587–618.
24. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialist strategy. Towards a radical democratic politics. London: Verso, 1985.
25. *Laland A.* Concept // *Laland A.* Vocabulaire technique et critique de la philosophie. 17^e edition. Paris: P.U.F., 1991. P. 160–161.
26. *Little D.* Varieties of social explanation: an introduction to the philosophy of social science. Boulder: Westview Press, 1991.
27. *Luetterfelds W.* Fichtes Konzept absoluter Einheit — ein performativer Widerspruch? // Fichte-Studien. Bd. 6. Amsterdam / Atlanta, Ga.: Rodopi. 1994. S. 401–422.
28. *Morris C.W.* Foundations of the theory of signs. Chicago, Ill.: Chicago University Press, 1938. P. 15.
29. *Nagel E.* The structure of science: problems in the logic of scientific explanation. London: Routledge and Kegan Paul, 1971.
30. *Natorp P.* Die logische Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig–Berlin: B.G. Teubner Verlag, 1921.
31. *Neisser U.* Concepts and conceptual development. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1987.
32. *Neisser U.* From direct perception to conceptual structure // Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization / Ed. by U. Neisser. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1987. P. 11–24.
33. *Poincare H.* La Science et l'hypothese. Paris: Flammarion, 1968.
34. *Rosenberg A.* Philosophy of social science. Boulder: Westview Press, 1995.
35. *Ryle G.* The concept of mind. London: Hutchinson, 1949. P. 8.
36. *Sapir E.* Language: An introduction to the study of speech. New York, NY: Harcourt, Brace, World, 1921. P. 13.
37. *Schank R.C.* Conceptual information processing. Amsterdam: North Holland, 1975.
38. *Sowa J.F.* Conceptual structures: information processing in mind and machine. Menlo Park, Ca.: Addison-Wesley, 1983.
39. *Spade P.V.* The semantics of terms // The Cambridge History of Later Medieval Philosophy / Ed. by N. Kretzmann, A. Kenny, J. Pinborg. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1982. P. 188–196.
40. *Stekeler-Weithofer P.* Philosophie und das Konzept der Öffentlichkeit // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1997. Bd. 45. No. 2. S. 197–214.
41. *Strydom P.* Discourse and knowledge: the making of enlightenment sociology. Liverpool: Liverpool University Press, 2000.
42. *Tarski A.* Logic, semantics, metamathematics. 2nd edition / Ed. by J. Corcoran. Indianapolis, Ind.: Hackett, 1983.
43. *Ungerer F., Schmid H.-J.* An introduction to cognitive linguistics. London; New York, NY: Longman, 1996.

This document was created with Win2PDF available at <http://www.win2pdf.com>.
The unregistered version of Win2PDF is for evaluation or non-commercial use only.
This page will not be added after purchasing Win2PDF.